

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СЕМИОЗИС
КАК КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОГЕНДЕРНАЯ КАТЕГОРИЯ
(НА БАЗЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ СИЛЬВИИ ПЛАТ)**

Ольга ПОПОВ, студентка филологического факультета,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
Научный руководитель: **Людмила ПАРАХОНЬКО**, др., препод.

Rezumat: *Acest articol este dedicat analizei influenței caracteristicilor psiho-tipice bazate pe gen ale unei persoane asupra procesului de traducere a poeziei*

Sylviei Plath, care dezvăluie o ideologie feministă vie prin paradigma asociativ-verbală. Se oferă dovezi ale actualizării identității de gen a traducătorului la nivelurile lingvistice și pragmatice, psiholingvistice adecvate și se face o concluzie despre asimetria semnificațiilor textului original și retransmiterea lor în timpul traducerii.

Cuvinte-cheie: *lingvistică de gen, Sylvia Plath, traducere literară, feminism, semiotica discursului.*

В сознании репрезентантов той или иной лингвокультуры оформляется языковая картина мира, коррелирующая с гендерными нормами и стереотипами в аспекте их продуцирования. При этом гендерный аспект субъекта языковой деятельности напрямую связан с понятием языковой асимметрии, которая функционирует не только в рамках бинарной оппозиции «маскулинность – фемининность», но также обладает и когнитивной социокультурной спецификой, поскольку гендер может выступать первичным культурным фреймом, т.е. связанным с культурными верованиями стереотипного порядка относительно типических характеристик мужской и женской идентичности, и таким образом участвовать в процессах концептуализации и категоризации действительности [14]. Это каузирует возникновение вопроса о сохранении гендерно-маркированных ценностных предпочтений при этноязыковом контакте, в частности при переводе текстов с гендерной проблематикой. Важно уточнить, что в настоящей статье мы исследуем перевод с позиции семио-дискурсивного подхода, что определяет процесс интерпретации исходного текста переводчиками как художественный семиозис, т.е. декодирование смыслового наполнения слов как вербальных знаков, актуальных для автора оригинального текста с учётом особенностей его дискурсивной среды.

Цель данной работы – выявить специфику гендерной переориентации стихотворений Сильвии Плат с дистинктивным феминистским началом при переводе на русский язык автором-мужчиной. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: определить концептуальные смыслы и образы в творчестве Сильвии Плат в аспекте феминистской проблематики; раскрыть содержательную сущность понятия «manhandling» как манифестации маскулинного гендерного психотипа; выявить гендерно-обусловленные стратегии перевода на собственно лингвистическом уровне и с позиции идейно-тематической трансформации оригинала.

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к изучению полоролевой структуры общества и выявлению и дескрипции гендерного дисплея при художественном переводе.

Генезис эгалитарной перспективы предопределил оформление феминистского художественного дискурса. С позиции семиотики данный тип дискурса представляет собой знаковую систему, в которой план репрезентантов (т.е. внешних представлений смыслов и значений) составляют решение дилеммы женской субъектности и десакрализация женственности,

т.е. непосредственное отражение опыта депривации женщин, лишённое цензуры патриархальных норм.

Одной из наиболее значимых личностей в контексте феминистской литературы была американская писательница Сильвия Плат, основательница жанра исповедальной поэзии. Важно подчеркнуть, что авторская концепция «женского бытия» в условиях патриархально-ориентированного социума реализуется за счёт апелляции к целому спектру категорий, так или иначе содержащих в себе релевантные признаки женской идентичности. Так, в корпусе поэтических текстов С. Плат выкристаллизовываются темы женского безумия, психоза, одиночества, понятия женского тела, семьи, социальных ролей, смерти, идентичности [1, с. 7-12].

Материалом для сопоставления в настоящей статье выступают первые русские переводы стихотворений Плат, выполненные Василием Бетаки. Для большей доказательности мы сравним эти переводы с женскими. Однако следует отметить, что переводов, выполненных женщинами, гораздо меньше, что делает невозможным подобрать к каждому переводу В. Бетаки «женский» эквивалент.

На наш взгляд, несоответствие гендерной принадлежности автора и переводчика мотивирует возникновение препятствий при трансляции реципиенту смыслов, имеющих дискурсивную ценность в оригинале. Экспликация указанного положения содержится в несоответствии компонентов процессора половой дихотомии, т.е. элементов «*универсального предметного кода, обеспечивающего формирование символических схем и кодов на речевом этапе в соответствии с принадлежностью индивида к одному из полов*» [11, с. 6]. Иными словами, гендерная дифференциация обладает потенциалом детерминировать специфику вербальной деятельности человека. В связи с этим А.Г. Фомин выделяет три гендерных психотипа (типа личности): маскулинный, фемининный и андрогенный [9].

Манифестация маскулинного гендерного психотипа реализуется в адаптивной переводческой стратегии «*manhandling*», представляющей собой набор специфических техник перевода – особенностей идиостиля переводчика-мужчины. Так, в первую очередь, большинство исследователей отмечает огрубление стиля в мужских переводах [5, с. 100]. Верификацию данного положения можно проследить при сопоставлении фрагмента из стихотворения Плат и его переводов, где нейтральную лексему «*woman*» В. Бетаки заменяет выражением с иным стилевым регистром, а Т. Ретивова сохраняет стилистическую специфику оригинала:

Оригинал	Перевод В. Бетаки	Перевод Т. Ретивовой
« <i>Soon, soon the flesh The grave cave ate will be At home on me And I a smiling woman</i> » [13, с. 244].	« <i>Скоро, скоро Плоть, съеденная ямой, Опять отрастёт, И я опять буду – На тебе, вот – Экранная баба с улыбкой из Голливуда!</i> » [8, с. 235].	« <i>Скоро, скоро, плоть, Проглоченной пещерой могилы Будет хорошо сидеть на мне А я женщина с улыбкой</i> » [7].

В переводе В. Бетаки также реализуется смысловая переориентация оригинала. Во-первых, аксиологически окрашенное словосочетание «smiling woman» переводчик трансформирует в стереотипное представление о женственности через мужскую оптику (male gaze), замещая его прецедентным образом голливудской актрисы с идеальной внешностью и тем самым переписывая сигнификат денотата. Во-вторых, метафорическая конструкция «the flesh The grave cave ate will be At home on me» может быть семантизирована следующим образом: женская плоть (т.е. идентичность), поглощённая ямой (социумом, жизненными обстоятельствами) восстановится и «будет сидеть» на лирической героине, подобно одежде. В мужском переводе не ретранслируется этот смысл, а женский перевод, в свою очередь, характеризуется как эквивалентный и адекватный.

Подобная неоправданная стилистическая конвертация находит отражение и в двух следующих примерах из одного стихотворения, где нейтральные номинации сменяются стилистически сниженными:

Оригинал	Перевод В. Бетаки
«From under the crunch of my man's boot green oat-sprouts jut» [13, с. 29].	«Из-под сапог моего мужика Побеги овса прорастают» [8, с. 21].

Оригинал	Перевод В. Бетаки
«How but most glad could be this adam's woman when all earth his words do summon leaps to laud such man's blood! » [13, с. 29].	«Как же должна быть рада Баба этого Адама , Если даже земля его слушает И хвалу ему воздаёт» [8, с. 22].

Сравним также и следующую триаду «оригинал – мужской – женский перевод». Так, в переводе В. Бетаки снова заменяет лексему с нулевой стилистической коннотацией на маркированное «мужик», чего не наблюдается в женском переводе:

Оригинал	Перевод В. Бетаки	Перевод Т. Ретивовой
«Out of the ash I rise with my red hair And I eat men like air» [13, с. 247].	«Снова встаю из пепла И глотаю, как воздух, мужиков – Я, отчаянная, я рыжая!» [8, с. 238].	«Я поднимаюсь Из пепла рыжей И глотаю мужчин как воздух» [7].

Огрубление стиля может быть связано не только со стилистической субституцией, но и семантической вульгаризацией, т.е. грубым упрощением исходного текста:

Оригинал	Перевод В. Бетаки
«The womb Rattles its pod, the moon Discharges itself from the tree with nowhere to go» [13, с. 259].	« Набитая семенем матка Грохочет, как погремушка , Лунному свету, стекающему с дерева, некуда деваться» [8, с. 249].

Известно, что перевод может реализовываться посредством импликации и экспликации [6, с. 226]. Указанный выше фрагмент из стихотворения Плат содержит сложную метафорическую конструкцию, в которой зашифрованы ассоциативные элементы касательно способности женщин к репродукции. При этом важно подчеркнуть особую роль образной метафоры в творчестве поэтессы – за счёт апелляции к неочевидным логическим связям рождаются уникальные, непрозрачные метафоры, вербализующие авторскую концептуализацию действительности (женского бытия), а также характеризующие стиль поэтессы как самобытный и оригинальный. В переводе гендерная метафорика эксплицируется и текст опошляется чрезмерной прямолинейностью, а также в некоторой степени происходит модификация рецепции идиостиля С. Плат.

В ряде исследований подчёркивается тот факт, что переводчики-мужчины, как правило, в меньшей степени следуют лексико-синтаксической структуре оригинала, нежели женщины [3, с. 176]. Это каузирует появление разнообразных сокращений, опущений при переводе, замену пунктуационных знаков. Так, например, в следующем стихотворении неспособность иметь детей поэтессы приравнивает к собственным похоронам, поскольку инфертильность как утрата своей «женской функции» заставляет её чувствовать себя бесполезной в социуме с репродуктивной несвободой, а отсутствие детей стирает её будущее, делая жизнь просто толчком к смерти. В переводе происходит элиминация этого смысла, а трагичный пафос, достигающийся с помощью повествовательного интонирования, подменяется восклицанием, что можно интерпретировать как намеренную стилизацию под чрезмерно эмоциональный стиль общения, типически связываемый со спецификой женской речи:

Оригинал	Перевод В. Бетаки
« <i>My funeral, And this hill and this Gleaming with the mouths of corpses</i> » [13, с. 259].	« <i>Да моё, моё это дело! Что тот холм, что этот – не дерево И не цветы: распахнуты только рты пустоты</i> » [8, с. 249].

В данном контексте представляется значимым обратиться к термину «абдукция», интенционал которого, применимо к теории перевода, можно эксплицировать как интуицию при стыке различных социокультурных фонов, в том числе и с ориентацией на наличие в сознании индивидов разных гендерно-маркированных представлений. Таким образом, при переводе, вероятнее всего, В. Бетаки ориентировался на собственный интуитивный импульс при интерпретации гендерно-обусловленной ассоциативно-вербальной сети оригинала. Однако это, в конечном итоге, определяет перевод как продукт релятивный, т.е. создаёт лишь относительную адекватность при ретрансляции смыслов исходного текста.

Аналогичное несоответствие оригиналу можем пронаблюдать и в следующем примере, где конструкция «injure with attentions», семантически

ки связанная с душевной болью, которая испытывает Плат от мысли о неживых детях, заменяется словом «надоедают», трансформирующем исходное идейное наполнение данных строк:

Оригинал	Перевод В. Бетаки
« <i>Instead, the dead injure me with attentions, and nothing can happen</i> » [13, с. 157].	« <i>А на самом деле – только мёртвые лики. И так надоедают они!</i> » [8, с. 151].

В следующих примерах мужчина-переводчик, в отличие от женщины, не сохранил соматическую лексику, связанную с женской репродуктивной системой, заменив её лексемами с более широкой семантикой, т.е. используя приём генерализации:

Оригинал	Перевод В. Бетаки	Перевод Т. Ретивовой
« <i>Waxy stalactites Drip and thicken, tears The earthen womb Exudes from its dead boredom</i> » [13, с. 240].	« <i>Сталактиты из воска Капают и густеют. Это слёзки Земного нутра, их оно выпускает скрытно из-за мёртвой скуки</i> » [8, с. 232].	« <i>Восковые сталактиты Капают и густеют, слёзы Проступают из земляной матки, От её зелёной тоски</i> » [7].

На наш взгляд, это не совсем корректно, поскольку, будучи написанными с учётом особенностей феминистского дискурса, стихотворения С. Плат обнаруживают деконструкцию стигмы вокруг женщин, в том числе и их тел, с помощью арсенала вербальных средств. Также необходимо указать, что с позиции семиотики дискурса, слово приобретает параметр знаковости и организует особый когнитивный фон, а несовпадение вербальных знаков в переводе и оригинале ведёт к трансформации эстетической и прагматической функций текста:

Оригинал	Перевод В. Бетаки	Перевод Т. Ретивовой
« <i>Perfection is terrible, it cannot have children. Cold as snow breath, it tamps the womb</i> » [13, с. 262].	« <i>Совершенство жутко: оно бесплодно – Снежным дыханьем забиты пути рожденья</i> » [8, 252].	« <i>Совершенство ужасно, оно не может рожать. Холодное, как снежное дыхание, бурение матки...</i> » [7].

Отсутствие лексико-синтаксических особенностей подлинника в переводе воплощается в примерах, где не искажаются, а целиком утрачивается метафорика с аксиологически окрашенными коннотациями. Так, в творчестве Плат одним из доминантных образов выступает историко-культурная дихотомия немцев и евреев, и, по закономерности, связанные с этим практики, символы. Это обусловлено биографическими фактами поэтессы, а именно трудными взаимоотношениями с отцом-немцем, чья этно-национальная идентичность послужила базисом для создания образа мужчины как нациста и женщины как еврейки. К примеру, в следующих строках переводчик-мужчина, в отличие от женщины, не сохранил образ Холокоста, значимый для писательницы, идентифицирующей себя с евреями.

Оригинал	Перевод В. Бетаки	Перевод Т. Ретивовой
« <i>It is a heart, This holocaust I walk in</i> » [13, с. 257].	« <i>Сердце – по нему я ступаю...</i> » [8, с. 247].	« <i>Это сердце, Этот холост в котором я хожу...</i> » [7].

Дискурсивные женские практики находятся в центре плеяды сюжетов стихотворений Плат. Это позволяет сделать вывод о высокой значимости тематизации пола в творчестве поэтессы. По мнению М. Фуко, в западной культуре издавна присутствует эта традиция, поскольку пол является одним из важнейших экзистенциальных параметров личности [10]. Так, например, в стихотворении «Lady Lazarus» философия пола манифестируется в рамках феминистской идеологии: женское тело, выпадающее из социальной парадигмы практик объективации и сексуализации, не лишает женщину её природы, идентичности. Соответственно, можно говорить о смыслообразующей роли гендерно-маркированной единицы «woman» в поэтическом дискурсе Плат. Более того, данная лексема становится когнитивной доминантой творчества, поскольку она представляет собой «фокусирующий, специфицирующий компонент, определяющий, трансформирующий и интегрирующий все иные компоненты» [12, с. 59].

Это чётко прослеживается в следующих строках:

Оригинал	Перевод В. Бетаки	Перевод Т. Ретивовой
« <i>I may be skin and bone, Nevertheless, I am the same, identical woman</i> » [13, с. 245].	« <i>А может – ничего нет, Кроме костей да кожи? Но я ведь та же самая!</i> » [8, с. 236].	« <i>Ну и что, с того что одна кожа и кости, Тем не менее, я всё та же женщина</i> » [7].

Как видим, В. Бетаки, не осознав дискурсивной ценности данной номинации, не имплементировал её в текст перевода. Это отмечается и в переводе заглавий стихотворений, представляющих собой двухкомпонентные словосочетания, одним из которых выступает лексема «woman». Так, переводчик опускает данное слово в следующих примерах: «Barren Woman» (1961) – «Бесплодная»; «Heavy Woman» (1962) – «Беременные»; «Childless Woman» (1962) – «Бездетная». На наш взгляд, это не совсем верно, т.к. с точки зрения семиотики дискурса, семантика языкового знака ставится в прямую зависимость от коммуникативно-целевой (прагматической) установки индивида, оформление которой продиктовано влиянием дискурсивной среды [4, с. 205].

Таким образом, произведённый анализ позволяет сделать вывод о потенциальном влиянии гендерного психотипа личности на процесс перевода. Именно данное положение определяет процесс интерпретации оригинального текста (художественный семиозис) как реализацию гендерно-обусловленного когнитивного контекста переводчика, т.к. психотип может быть репрезентирован вербальной деятельностью человека и детерминироваться различными когнитивными компонентами и структурами

знания (концептуализация, категоризация, точки референции и др). Однако следует учитывать нестабильную природу гендера как перформативного социокультурного конструкта, т.е. осознавать, что те или иные гендерно-обусловленные характеристики, в особенности вербальные, могут обнаруживать гетерогенность в своём проявлении, либо полностью отсутствовать. Тем не менее, при исследовании би-текста (оригинального и переводного текста в их семиотическом единстве) релевантным остаётся параметр дискурсивного сингармонизма переводчика и автора оригинального текста. Следовательно, во избежание девиантной интерпретации переводчику следует критически относиться к переводу, учесть позицию автора, «*стать похожим на него психотипично, оценивая “картину мира” глазами автора, с его перспективы*» [2].

Библиография:

1. ГЕРАСИМОВА, Е.К., *Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х, начало 60-х гг.): автореф. дисс... д-ра филологических наук.* Нижний Новгород, 2007. 23 с.
2. ЗАСЕКИН, С.В., *Художественный перевод как объект психолингвистики.* В: *Языковое бытие человека и этноса.* М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. Вып.17, сс. 35-40. ISBN: 978-5-248-01006-6.
3. КУПП-САЗОНОВ, С., *Переводят ли мужчины и женщины действительно по-разному? (На материале четырёх эстонских переводов повести А.Н. Толстого Золотой ключик, или Приключения Буратино).* В: *Przestrzenie przekladu.* Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019, т. 3, сс. 171-180. ISBN: 978-83-226-3560-5.
4. ЛЕОНТЬЕВА, К.И., *Сингармонизм как ключевая категория семио-дискурсивной онтологии художественного перевода.* В: *Вестник ТвГУ. Серия: Филология.* Тверь: ТвГУ, 2017, № 5, сс. 205-212. ISSN: 1994-3725.
5. МАСЛЕННИКОВА, Е.М., *Проекция текста как гендерно-культурологическая интерпретация.* В: *Вопросы психолингвистики.* М.: Московская международная академия, 2019, № 2 (40), сс. 92-106. ISSN: 2077-5911.
6. ПАРАХОНЬКО, Л.В., СТАРОВОЙТОВА, О.А., *Переводы романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на английский язык: две степени адаптации к исходному тексту.* В: *EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, серия: филологические науки.* Пенза: МЦНС, 2017, сс. 225-235. ISBN: 978-5-906973-71-9.
7. ПЛАТ, С., Ариэль / Пер. с англ. Т. Ретивовой. В: *Лавка Языков.* ISBN: 10. 1848420749. [Электронный ресурс] [дата обращения: 10. 04. 2023]. URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/plath3.htm
8. ПЛАТ, С., *Собрание стихотворений.* Москва: "Наука", 2008. 410 с. ISBN: 978-5-02-034398-6.
9. ФОМИН, А.Г., *Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности:* автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук. Барнаул, 2004. 45 с.

10. ФУКО, М., *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет* / пер. с франц. С.Табачниковой. М., Касталь, 1996. 448 с. ISBN: 5-85374-006-7
11. ХОЛОД, А.М., *Прагматические характеристики родовых форм русских имён существительных и прилагательных*: дис... канд. филолог. наук. Киев, 1994.
12. ЯКОБСОН, Р.О., *Доминанта* / пер. И. Чернова // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976, т. 1, сс. 56-63.
13. PLATH, S., *The Collected Poems*. New York: Harper & Row, Publishers, 1981, 349 с. ISBN: 10 0060133694, 0060909005
14. RIDGEWAY, C., *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. New York: Oxford Univ. Press. 2011. 233 с. ISBN 978-0-19-975577-6.